

ЛЕВ КРОЙЧИК

ТРИУМВИРАТ

ИЗ КНИГИ ВОСПОМИНАНИЙ

I

Мак сложилось, что после возвращения из Шебекино в Воронеж вся наша жизнь прошла под очевидным воздействием триумvirата – Аллы Борисовны Ботниковой, Зиновия Яковлевича Анчиполовского, Владислава Петровича Скобелева.

Зиновий Яковлевич был «министром финансов». Мой девиз был прост и очевиден: «Всем хорошим на мне я обязан зиновьевской сберкнижке».

В трудную минуту прибегали к его помощи – не помню случая, чтобы Зиновий Яковлевич отказывал.

Алла Борисовна была «министром культуры». И по сию пору эту должность исправно выполняет.

Звонит:

– А вы читали роман Евгения Водолазкина «Авиатор»? Советую прочесть...

– А вы читали новый роман Даниила Гранина «Мой лейтенант»? Рекомендую...

Владислав Петрович был «министром образования». При первом знакомстве полубопытствовал:

– Чем занимаетесь?

– Работаю в многотиражке.

– А зарплата какая?

– Восемьдесят пять рублей.

Засмеялся:

– Левушка, нельзя обманывать государство. Если можете зарабатывать больше – зарабатывайте. Попробуйте начать работу над диссертацией.

Признаюсь, я не сразу принял этот совет во внимание. Но когда через год я стал сотрудником кафедры советской литературы, заведующим которой числился Анатолий Михайлович Абрамов (руководила кафедрой в ту пору Нина Васильевна Соколова, поскольку Анатолий Михайлович завершал ра-

боту над своей докторской диссертацией), Владислав Петрович предложил мне:

– Давайте начнем работать вместе: вы будете сочинять текст, а я буду его читать. Изучите тему...

Тема родилась быстро «Беллетризованный фельетон в отечественной прессе 20–30-х годов (И. Ильф, Е. Петров, В. Катаев, М. Булгаков)».

Владислав Петрович, шмыгая носом (была у него такая привычка), предупредил:

– Учтите, Левушка: вы специалист, а я консультант. Вы знаете больше, чем я. Тема ваша, а не моя.

Это было чистой воды лукавство – Владислав Петрович прошел прекрасную школу в московской аспирантуре. Вел разговор на любую тему. Работать под его руководством было одно удовольствие.

Система наших научных взаимоотношений строилась так: я готовил к прослушиванию очередной фрагмент текста и договаривался о встрече.

– Приходите, – говорил Владислав Петрович. – Я и Нелли будем вам рады.

В назначенное время появлялся в квартире Владислава Петровича.

Когда я читал текст, В.П. внимательно слушал.

– Уточните, пожалуйста, это положение.

– Боюсь, что это не совсем так.

– Имеете право так думать...

Работать с Владиславом Петровичем было одно удовольствие.

Однажды сказал:

– В Одессе готовится конференция «Литературная Одесса 20–30-х годов». Не прокатиться ли нам туда?

– Я согласна, – сказала Нелли Борисовна.

– Естественно, – кивнул Владислав Петрович. – Для начала неплохо было отправить в Одессу заявку.

– Боюсь, – признался я. – Засмеют.

– Возможно, – сказал Владислав Петрович. – Но не исключено, что начнут смеяться, когда вы будете читать цитаты из фельетонов Ильфа.

(Для первого раза решили ограничиться только фельетонами Ильи Ильфа, опубликованными в «Гудке» 1920-х годов.)

Конференция была интересной. Впереди маячил банкет на заранее зафрахтованном теплоходе. Но на банкет мы не остались.

– Тебя уже ничего не спасет, – сказала Нелли Борисовна, – но Льва Ефремовича я должна вернуть Рите Николаевне живым и невредимым.

Поездка в Одессу была первой в моей научной жизни. А потом Владислав Петрович вовлекал меня в самые разные конференции, проходившие по всей стране. Не давал засидеться. Приучал слушать других докладчиков. Словом, Владислав Петрович был настоящим моим научным руководителем. Хотя аспирантом его я не был – числился в соискателях. И тем не менее наши «диссертационные» отношения не были сугубо формальными.

Судите сами. Осень шестьдесят шестого. Звонок Владислава Петровича мне на кафедру (домашнего телефона у меня нет – персональный телефон в Воронеже в дефиците):

– Лев Ефремович, я уже в Воронеже. Есть новости. Возвращаясь в Воронеж, я добрался до Саратова на теплоходе. Поговорил с Покусаевым. Он согласен быть вашим оппонентом.

От этих слов у меня душа в пятки уходит. Евграф Иванович Покусаев – известный в стране ученый, редактор тридцатитомного собрания сочинений М.Е. Салтыкова-Щедрина, член президиума ВАКа, член Комитета по присуждению ленинских и государственных премий. И Владислав Петрович специально делает крюк из Куйбышева в Воронеж, чтобы встретиться с Покусаевым?! Моему принципиальному уму непостижимо.

– Евграф Иванович попросил прислать ему ваши статьи. Запишите адрес...

Отправляю в Саратов свои статьи и автореферат. Получаю согласие Евграфа Ивановича стать моим оппонентом. Вторым оппонентом становится Борис Тимофеевич Удодов.

17 мая 1967 года состоялась защита.

Послушать Евграфа Ивановича собралась большая аудитория. Покусаев выходит к трибуне и говорит:

– Свои соображения о работе я изложил в официальном отзыве, а сейчас я хочу поразмышлять о роли сатиры в жизни общества.

Полчаса аудитория слушает Евграфа Ивановича. Потом гремят аплодисменты. Владислав Петрович победно сверкает глазами – не зря съездил в Саратов.

«Триумвират»: В.П. Скобелев, А.Б. Ботникова, З.Я. Анчиполовский

– Нельзя довольствоваться достигнутым, – говорил он мне. – Пишите, пишите, пишите.

И я ехал на конференции – в Ленинград, Томск, Омск, Даугавпилс, Москву.

Был неутомим, организуя конференции в Воронеже. В шестьдесят восьмом году по инициативе Владислава Петровича была задумана конференция, посвященная творчеству Андрея Платонова. Это сегодня Андрей Платонов для Воронежа – «наше всё». А тогда его скромно прятали за фигурами Горького, Шолохова, Алексея Толстого, Фадеева.

Конец шестидесятых.

Танки в Праге.

Соцлагерь нервничает.

Скобелевская идея провести в Воронеже Платоновскую конференцию стала вызывать глухое сопротивление. И в Доме на площади Ленина, и на филфаке ВГУ.

Сначала потребовали провести экспертизу готовящегося сборника. Выкинули из него целый ряд статей, включая статью мало кому известного тогда Анатолия Альтшулера, который впоследствии превратился в знаменитого на всю Европу доктора искусствоведения, ректора Школы-студии МХАТ Анатолия Смелянского. А потом запретили и прове-

А.Б. Ботникова с сыном.
Между ними – Л.Е. Кройчик.
1 мая 1958 года

дение самой конференции. И сидел Владислав Петрович на кафедре советской литературы одиноко рассылал извинительные письма тем, кто готов был приехать на Платоновскую конференцию.

Слово «одиноко» я привожу не случайно – наверное, с какого-то времени почувствовал свое одиночество Владислав Петрович.

Платоновский сборник все-таки был издан и получил хорошую научную прессу.

Потом вышла книга «Поэтика сказа» (1978), в которой мы «застроились» на троих – Владислав Петрович Скобелев, Екатерина Григорьевна Муценко и я. Нам очень тогда хотелось, чтобы талантливая Катя Муценко вышла на защиту диссертации со своей монографией, и мы были рады узнать, что «Поэтику сказа» с интересом прочли не только в нашей стране, но и в просвещенной Европе.

Отдав Воронежу восемнадцать лет своей жизни, Нелли Борисовна и Владислав Петрович вернулись на родину (теперь уже в Самару, а не Куйбышев). Наши встречи не пресекались – приезжая в этот поволжский город на конференции, останавливался, как правило, в гостеприимной квартире Скобелевых.

Было время, ходили в театры или спускались по Волге, не минуя знаменитое «Дно» – живой бар, где торговали «Жигулевским», поступающим напрямую с местного знаменитого пивного завода...

Однажды Владислав Петрович затащил меня в свое «родовое поместье» – небольшую дачку, которой они владели на паях с Олегом, братом Владислава Петровича.

2003 год, теплый сентябрьский день. Убираем листву, ветки, сжигаем мусор. И вдруг вижу: Владислав Петрович осуществляет свои трудовые манипуляции как в замедленной киносъемке – медленно наклоняется к ветке, лежащей на земле, медленно

поднимает ее и так же медленно несет ее к куче мусора, приготовленной для костра.

Олег тоже заметил это неторопливое движение брата.

– Задумался, – говорю я.

– Работает, – подтверждает Олег.

– Что-то случилось? – окликаю я Владислава Петровича.

– Кое-что пришло в голову, – отвечает тот.

Относит ветку к будущему костру, достает из верхнего кармана куртки листок бумаги, авторучку и что-то записывает.

Идеи распирали Владислава Петровича, и он охотно одаривал ими всех желающих.

Скобелева хватало на всех. Свою точку зрения он никому не навязывал, но защищал жестко.

... Ушел из жизни, так и не успев доехать до Воронежа, где должен был выступать в качестве оппонента на защите докторской диссертации Тамары Александровны Никоновой...

Каким должен быть человек, восходящий на кафедру?

Ученым, ведущим аудиторию в пространство незнаемого.

Педагогом, умеющим преподнести материал.

Психологом, умеющим, как заметила Юнна Мориц, «власть держать над полным залом».

Актером (художником, творцом), обладающим способностью воздействовать на аудиторию. С помощью тщательно продуманного жеста, ритма, интонации.

Всеми этими качествами Владислав Петрович Скобелев обладал сполна.

Был в моем представлении абсолютно естественным человеком. И в аудитории, и в колхозе, и за столом в кругу друзей. И вдруг – отъезд. После

День поэзии ВГУ.
Справа налево: Л.Е. Кройчик,
В.П. Скобелев и Г.Я. Веллас.

семнадцати лет плодотворной работы на филфаке ВГУ. Одно приходит в голову – хотели выжить и выжили.

А тут еще как раз история с защитой докторской диссертации в Ленинградском педагогическом институте имени Герцена. Были два черных шара при голосовании. Был скептический отзыв «темного» эксперта. Отстаивать свою правоту Владислав Петрович не стал – защитился спустя пару лет.

Бойцом был Владислав Петрович Скобелев. От открытой схватки идей никогда не отказывался. Но в подковерной борьбе принимать участие не хотел. Тем более родина звала домой. Скобелевы вернулись на родину. И в географии моих поездок появился новый маршрут – Самара. Ездил на конференции, выступал оппонентом на защитах. Когда в распоряжении Скобелевых оказалась отдельная квартира, останавливался у них. Переписывались. Перезванивались. Однажды даже наш Театр миниатюр побывал на гастролях в Самарском авиационном заводе, где работал младший брат Владислава Петровича Олег.

Долгие годы меня не покидала мысль – почему Воронеж не удержал Владислава Петровича в своих объятиях. Или объятия оказались невыносимы?

II

Однажды Алла Борисовна мне сказала:

– Зиновий Яковлевич Анчиполовский прочел вашу рецензию в «Молодом коммунаре» и хочет с вами познакомиться.

На календаре 1966 год. На экраны только что вышел фильм Эльдара Рязанова «Берегись автомобиля». Рецензия «Преступление и наказание Юрия Деточкина» мне очень понравилась. Как и фильм. Так что приглашение познакомиться с редактором

отдела критики и библиографии журнала «Подъем» было для меня лестно.

Отправляюсь в «Подъем». Редакция тогда размещалась на третьем этаже дома на проспекте Революции: на первом был ЗАГС Центрального района, в котором расписались с Ритой в своей любви друг к другу 30 июля 1959 года; на втором – апартаменты общества «Спартак». В небольшом кабинете, уставленном старинной мебелью, привезенной из имения писателя Эргеля, меня встретил коренастый лысеющий человек с нескучными глазами.

Протянул руку – она была мягкой и теплой. На столике, вывезенном из Эргелевки, лежала моя замечательная рецензия, вся исхлестанная красным карандашом.

Я заскучал.

– С интересом прочел вашу рецензию, – сказал Зиновий Яковлевич, – и согласен с вашей оценкой фильма. Но...

Тут собеседник задумался: видимо, хвалить меня было не за что, а ругать не хотелось...

Когда в 2008 году отмечали восьмидесятилетие З.Я. Анчиполовского, Академия искусств выпустили сборник статей, посвященных юбилею. В одной из них Михаил Бычков, руководитель Камерного театра, очень точно отметил: «Главной отличительной особенностью Зиновия Яковлевича Анчиполовского как человека Театра, на мой взгляд, является мягкая непреклонность».

И это абсолютно точное наблюдение. На заседаниях секции критики, которую Зиновий Яковлевич возглавлял долгие годы, на оперативных разборах спектаклей, на конференциях профессор Анчиполовский, допуская любые высказывания участников дискуссии, никогда не настаивал на том, что его точка зрения является единственно верной.

В.П. Скобелев и Л.Е. Кройчик
у здания Самарского
литературного музея

... Вот и в тот день – при нашей первой встрече – он заметил:

– Старайтесь аргументированно защитить свою точку зрения, следите за точностью собственного высказывания. Рецензию надо писать так, чтобы из фразы нельзя было выкинуть ни одного слова, а из текста – ни одного абзаца.

И добавил:

– У меня к вам предложение. Я знаю, что пишете фельетоны. Понимаю – вас интересует комическая литература. Сейчас в Воронеже вышло несколько сатирических и юмористических повестей и рассказов. Напишите об этом.

Это был спасательный круг, за который я ухватился: мне давали шанс работать в пространстве комической литературы...

Многолетнее знакомство с Зиновием Яковлевичем позволяет мне утверждать: всю свою жизнь (Анчиполовский умер в 2015 году) он воплощал принцип трех «д» – доброжелательность, достоинство, доскональность. Что бы вокруг ни происходило, Зиновий Яковлевич был готов возразить любому: и политическому деятелю, и маститому режиссеру, и начинающему критику.

«Провинция в способности сгибать, укорачивать, ассимилировать, наконец, – страшная сила. Суметь на протяжении всей жизни противостоять этой силе, сохранить в себе индивидуальность, верность идеалам молодости, – на мой взгляд, достойно глубочайшего уважения», – размышляет Бычков об Анчиполовском.

И никто не знает, чего стоит это сопротивление провинциальному игу.

– Голова болит, – часто повторял Зиновий Яковлевич, а через несколько месяцев перед ним лежала очередная книга.

«Воронежские сезоны» – первая крупная монография, вышедшая в 1969 году. Затем последовали «Вчера и сегодня Кольцовской сцены», «Люди русской сцены», «Театр год за годом», «Времена Максима Горького», «Старый театр Воронежа», «Театр Михаила Бычкова», «Кольцовский академический», «Воронежская легенда»...

Это только монографии. А ведь свет увидели и свыше 240 статей, появившихся как в воронежских изданиях, так и в столичных сборниках и периодике.

Сегодня отчетливо понимаю, что Зиновий Яковлевич Анчиполовский – один из виднейших театральных критиков страны. Причем критиков не только почитаемых, но и безусловно читаемых. На очередное выступление Зиновия Яковлевича, как правило, откликалась столичная и провинциальная пресса.

Есть азбучная истина литературно-художественной критики: главная задача автора – создать образ рецензируемой вещи. Однажды спросил наивно Зиновия Яковлевича (в какой-то момент мы перешли на «ты»):

– В твоих рецензиях, статьях, книгах масса конкретных подробностей. Неужели ты помнишь спектакль, который когда-то смотрел?

– Стараюсь помнить, – коротко ответил Зиновий Яковлевич, – но не забывай, что эти детали есть в воспоминаниях других людей и в других рецензиях. Не ленись читать других авторов. Наконец, есть такое явление, как воображение.

И вот ведь что поучительно: о ком бы и о чем бы ни писал Анчиполовский, он никогда не заслонял собой фигуру мастера, о котором шла речь. Никогда не навязывал своей точки зрения – он ее предъявлял аудитории как повод для дальнейшего размышления. И этим был интересен.

Критик как субъект высказывания – всегда участник диалога. Его точка зрения – отправная позиция для размышлений аудитории. Тут дело не в отсутствии темперамента – тут все дело в естественном стремлении мастера пригласить аудиторию к со-размышлению.

Для театрального критика велик соблазн (по себе знаю) встать над произведением и указующим перстом поучать художника. Не помню ни одного текста, подписанного «З. Анчиполовский», в котором бы автор учил ставить спектакль и писать книги.

Любое выступление Зиновия Яковлевича – это всегда размышления вслух. Анчиполовский умел разговаривать с каждым из нас – не натужно, не высокопарно, не раздраженно. Говорил не с амвона – со зрительского места. И при этом – не отступал от исповедуемых им собственных эстетических принципов. Как это Зиновию Яковлевичу Анчиполовскому удавалось, не знаю. Знаю одно: за диалогом, который он вел с читателем почти шестьдесят лет, не было ни грани фальши.

III

Рассказывать об Алле Борисовне Ботниковой невероятно трудно. Конечно, можно укрыться за знаменитую формулу Владимира Владимировича Маяковского: «Как бедна у мира слова мастерская! Подходящее откуда взять?» Но тут же слышу иронический совет: «Если можешь не писать – не пиши».

Я действительно не знаю, как рассказывать о человеке, который вошел в мою жизнь однажды с уступительной конструкцией «Если хотите...». Такая вот необязательная интонация для диалога, который длится более шестидесяти лет.

А начался этот диалог в селе Медвежье Семилукского района в 1954 году, где в местном колхозе мы убрали кукурузу, а Алла Борисовна Ботникова была нашим куратором. Потом она стала моей наставницей. На всю доставшуюся мне жизнь. Все мои воронежские годы прошли под знаком безграничного доверия к А.Б.

За советом я шел к А.Б.

За консультацией я шел к А.Б.

За деньгами я шел к А.Б.

Рядом с Аллой Борисовной Ботниковой мне всегда надежно и просто живется.

Так было и тогда, когда Алла Борисовна и Зиновий Яковлевич жили на улице Карла Маркса. Так продолжалось, когда А.Б. и З.Я. переехали на улицу Лизюкова в Северном районе, а через какое-то время неподалеку – на Бульваре Победы – оказались и мы с Ритой. Позже в той же «Северной слободке» появились Владислав Анатольевич Свительский и

Л.Е. Кройчик и З.Я. Анчиполовский в санатории им. Дзержинского в Чертовцах

его жена Нина Матвеевна Митракова, и жизнь потекла «совсем хорошая», если верить Гайдару (не тому Гайдару, который стоял у основ наших экономических реформ, а тому Аркадию Петровичу Гайдару, который написал «Голубую чашку» и стал нечаянным основателем знаменитого тимуровского движения).

Собирались по праздникам, пока были живы Слава и Зиновий Яковлевич, говорили о литературе, о том, что беспокоило, о книгах прочитанных и еще не читанных, о театральных премьерах, о разного рода новостях. И как-то всегда получалось, что в центре внимания всегда было слово, принадлежащее Алле Борисовне.

Аллу Борисовну было интересно слушать. И не только потому, что она обладала информацией, которая нам была неизвестна, а прежде всего потому, что Алла Борисовна была (да и остается) удивительной рассказчицей.

Мы сидели, разинув рты, и повторяли:

– Напишите об этом книгу. Это же так интересно!

В 2008 и 2015 годах книги появились. Первая называется «В те времена», вторая – «Мамина тетрадь».

В предисловии к первой книге Алла Борисовна написала искренне: «Стараюсь быть правдивой».

По себе знаю, как это трудно. Начиная собственные воспоминания, я придумал себе трудный повествовательный прием – взростеть вместе со своими

героями. Не знаю, как мне это удалось, но сейчас отчетливо понимаю: вспоминая собственное прошлое, я все время ощущал рядом с собой Аллу Борисовну: как она отнесется к тому, о чем рассказываю, о чем бы упомянула, что бы вычеркнула.

Тут дело даже не столько в естественном умолчании (есть вещи, о которых вспоминать не хочется), сколько о вполне понятном стремлении, об известном медицинском завете – «не навреди!». Мне кажется, Алла Борисовна живет, соблюдая именно этот великий завет.

Спокойная женщина, пережившая трагическую смерть сына, тяжелейший уход из жизни мужа, Алла Борисовна не боится быть открытой, не стремится выглядеть, оставляя за собой право и на искреннюю любовь, и на искреннее отторжение.

Абсолютно не назидательная, не демонстративная в своем интеллектуальном могуществе, беспредельно мудрая и постоянно прощающая нам, грешным, многочисленные недостатки и даже проступки, Алла Борисовна всегда открыта для диалога с каждым, кто однажды скажет:

– Алла Борисовна, мне надо с вами посоветоваться.

Можете быть уверенными – за добрым советом дело не станет.

* * *

Из чего складывается мудрость жизни? Из повседневности бытия. Есть в домашнем архиве Аллы Борисовны старый альбом – тисненый кожаный переплет, золоченые образцы страниц, фотографии на твердых картонных подложках.

Дед Аллы Борисовны был городским головой в Костроме. Его портрет украшает стенд краеведческого музея в областном центре. Геннадий Николаевич Ботников был депутатом Государственной думы. Имя Ботникова носит один из городских скверов.

Фамильный одноэтажный дом в Костроме Алла Борисовна помнит хорошо. Когда она побывала в городе с Зиновием Яковлевичем, Анчиполовский шутливо заметил: «Домик хороший. Но кто ж его вернет?»

Сказано шутливо. Семья Ботниковых всегда жила своим трудом. Отец, Борис Геннадьевич, был юристом, мать, Евгения Николаевна Горская, – учительницей.

...Алла Борисовна после окончания Московского университета оказалась в Воронеже. По ее признанию, к городу привыкала трудно. Одно примиряло с городом – студенты. В своих воспоминаниях Алла Борисовна пишет: «Надо сказать, студенты

первых послевоенных лет отличались повышенным интересом. Сказывалась нехватка книг. Библиотеки города пребывали в жалком состоянии. Может быть, причина была в невозможности свободного чтения в годы войны и разрухи? А может статья и просто естественное желание отвлечься от неприглядной реальности послевоенных лет. Как бы то ни было, они читали много и хотели читать».

Гляжу на эти строки и грущу, вспоминая практические занятия на журфаке. Из двадцати-двадцати пяти человек лишь пять-шесть второкурсников читают «Трех сестер» Чехова и «Смерть Ивана Ильича» Толстого. Кто-то работает? Возможно. Но большинство просто отучилось от чтения. Нет доступа к библиотекам? Но сегодня доступна электронная версия книги. Отвлекает работа? Но тексты невелики по объему.

Дело, мне кажется, в ином: нет внутренней потребности обращаться к тексту, к слову как носителю информации. И это удручает.

Вспоминаю об этом потому, что в пятьдесят седьмом году, выступая на ежегодной комсомольской конференции, публично заявил: нас, мол, студентов-филологов, перегружают чтением литературы, и в доказательство привел соответствующие цифры.

Алла Борисовна об этом выступлении узнала и, надо сказать, запомнила. Потому что в своих воспоминаниях «В те времена» меня помянула недобрым словом, заметив не без ехидства: «...чтение классических произведений, как оказалось впоследствии, Кройчику отнюдь не помешало. Как уже говорилось, хорошим любого филолога делает, в том числе, и количество прочитанных книг».

С чем абсолютно согласен.

Понятно, что в те времена, о которых идет речь в моих воспоминаниях, образцовым студентом я не был. Но ставши преподавателем, все-таки пытался наверстать упущенное.

Однажды в Ленинке столкнулся с Аллой Борисовной. Работая над диссертацией, нашел в расписании несколько свободных дней и выбрался в Москву. Иду меж столов, ищу свободное место. А навстречу мне идет Алла Борисовна.

– Что читаете?

А у меня сверху стопки «Пармская обитель».

– Не прочитали вовремя?

– Не прочитал.

– Хорошего вам чтения, Лев Ефремович!

– Спасибо.

...А тетрадочку с лекциями Аллы Борисовны за первый курс я храню до сих пор.